

Новая книга русского писателя Михаила Александровича Тарковского «Три урока» (2020) блестяще издана Общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» и благородно проиллюстрирована замечательным художником Иваном Евгеньевичем Лукьяновым.

Предисловие книги звучит как увертюра к музыкальному произведению, где настраивается, подготавливается душа читателя к прочтению, восприятию и осмыслению книги. Три урока, о которых говорит писатель, — это литература, тайга и человек. И далее, по всему объёму книги, он художественно, глубоко и сокровенно раскрывает содержание и смысл этих ипостасей его мира.

Литература — это осознание значения Слова («Каждое слово имеет свою даль и свою историю»). Это учение о воплощении дара («И пускай в прозе и сильнее чувство подвластности материала, но секундный всполох тоже нужен — озарение уже самой идеей произведения. А она почти всегда в одной фразе умещается»). Это безмерная благодарность учителям в Слове («Бунин, Толстой, Достоевский, Астафьев — учат мастерству, масштабу. Гумилёв и Есенин — ответу за слово»). И современники-учителя: Николай Александров, Анатолий Байбородин, Михаил Вишняков. Сибиряки!

В чём уникальность дара Тарковского: книга солидная по объёму, сказано в ней много и о многом. Но такое чувство, что за каждой строчкой остаётся ещё огромный запас невысказанного. В биографическом очерке «Бабушкин внук» писатель знакомит нас со своей бабушкой, Марией Ивановной Вишняковой, подарившей миру знаменитого режиссёра, которая и привила Михаилу любовь к литературе, к природе, чувство русского пространства, она открыла ему дорогу в храм. Читая благодарные, тёплые слова о дорогом человеке, погружаясь в эти воспоминания, понимаешь: судьба такая необыкновенная, что о ней могла быть написана отдельная книга.

Второй урок — тайга — важен не только для пишущего, но для каждого думающего человека. Она — один из главных образов, героев книги, живущий по

своим законам, по своей извечной правде. Михаил Тарковский уводит читателя в самую глубину бытия. Пожалуй, в книге тайга — это и есть Россия, глубинная, провинциальная в лучшем смысле этого слова. В ней жизнь трудовая, трудная, подчас драматичная, но — настоящая и единственная. Только любовь могла стать помощницей в написании этой книги. Любовь не только к самой тайге, с её красотой и богатствами, с её стужей, немилостью рек, упадком и разором, но и к людям. К людям, которые при всём при том живут в ней, умудряются ещё быть иногда счастливыми, а всегда — преданными до конца и этой красоте, и этой непогоде, и этому труду, и реке, и тайге, не помяная Бога всуе.

А почему — вся Россия? Потому что проблемы в тайге во многом повторяют и современные, и многовековые проблемы всей страны. Одна из них — взаимоотношения отцов и детей. В пронзительной, по-житейски мудрой и философски насыщенной повести «Стройка бани» звучит печаль и забота старика Иваныча: «Кому, кому теперь передать эту изученную до каждого камня реку, избушки, выросшие на твоих мозолях, эти затёртые нары, стол, отполированные портянками вешала над печкой? А даль между мысов, завешенная будто светящимся снежным зарядом, а ночное, полное звёзд небо после долгой непогоды?»

А ведь есть наследство и посущественней: богатый собственный опыт и впитанный опыт предков, навыки и хитрости домашнего труда, охоты и рыбалки, нравственные ценности и традиции. Есть и наследники — дети, многим из которых это наследство кажется уже ненужным и ничтожным. А своего-то ещё ничего и не нажили, ничему не научились. В результате — теряются, спиваются. Не развивается душа. Мельчает поколение. И для таких людей, как Иваныч, уход кажется уже единственно возможным — в одиночестве, в прощении и чистоте.

Важное отличие ребятишек из тайги — они пока не очень избалованы развращающими «прелестями» цивилизации. Да, начинают пить, даже иногда поколачивают старых родителей, кто-то приобретает практическую хватку, меряя жизнь лёгкими деньгами. Но они ещё чувствуют неловкость и стеснение, покидая родовое гнездо в поисках лучшей доли. И всё же в большинстве своём это пока чистые, целомудренные души. И некоторые герои рассказов и повестей, в которых прослеживаются характер и устремления самого писателя, присматриваются к этому «племени младому» с большим вниманием, с верой и надеждой, направляя к ним и своё сердце, и свои побуждения.

Михаил Александрович Тарковский считает просто необходимым говорить о таких понятиях, как патриотизм, Русский мир, мученики за веру, традиционные ценности. Эти понятия ныне считаются уже чуть ли не архаичными. Их ещё упоминают в статьях, лекциях, телепередачах. Но, как вздохнула однажды маленькая девочка, когда ей передали привет: «Это просто слова такие». Их произносят уже как клише, не вдумываясь и не отыскивая смысл и значение. А Тарковский упорно возвращается к ним — не к словам, а к их глубинной сути и смыслу, к их значению и великому предназначению, — через авторские размышления, диалоги и горячие споры, в которых, конечно, я на стороне писателя.

В повести «Отпусти, Енисей» есть такая фраза: «...плотность этой жизни казалась чрезмерной по сравнению с сельской, происходящей из естественной утряски людей по земной поверхности. Она-то и давала и разреженность, и волю, делая из каждого человека событие». И писатель делает из каждого персонажа своей книги (не персонажа — из живого человека, о котором он рассказывает) именно событие! Это его третий урок — люди. Он рисует их со всех сторон — через бле-

стящее, яркое описание внешности, через их сочную, характерную речь, через их отношение к жизни, озвученное в какой-нибудь одной ёмкой фразе. И через свое образное видение их сути, натуры: «Таёжные мужики были снаружи заскорузлые, как в корке, а внутри мягкие...», «Он и от мёртвого железа ждал, как и от земли, — вечного возобновимого...», «Ей всё мерещилась беда, всё она преувеличивала опасность, словно специально среди спокойной жизни отвоёвывала разбег, пространство для заботы. Чтобы было где развернуться по-бульдозерному, сдать назад, а потом врыться и завалить любовью, да так, что казалось, вот возьмёт слишком глубоко и сорвёт сердце». И это всё только из одной повести «Бабушкин спирт»! А как выписаны тётя Надя и Дед в одноимённых рассказах, дядя Толя и Митька в рассказе «Вековечно» — блеск! Это одновременно и хрестоматия, и большая школа для тех, кто хотел бы посвятить себя литературе.

Если бы Михаил Александрович Тарковский впервые заявил о себе книгой «Три урока», можно было бы долго и подробно говорить о его открытиях, об уникальном языке книги. Но писатель уже давно завоевал (нашёл, обрёл, явил) своё доброе имя в отечественной литературе. А совсем ничего не сказать — невозможно. Это язык богатый, широкий, как и русский человек. Он проявляется и в авторской речи, и в характеристиках героев, и в описании природы: «Солнце садилось, охлаждаясь и застывая, и на фоне его бледно-синего следа гравюрно-тонкими казались силуэты лиственниц, голых, чуть припорошенных и недвижимых. Гнутый и протяжный излёт ветвей придавал такую манящую силу небу, что всё виденное в тайге за долгую жизнь расплелось на струистые реки и хлынуло в душу как в пойму».

Вкусно, подробно, даже, кажется, излишне подробно писатель рассказывает об инструментах, предметах обихода, охотничьем снаряжении, блюдах застолий. Встречаются названия, которые не всегда знакомы читателю, особенно если он не охотник, не таёжник, не сибиряк. Но вовсе не для того, чтобы поразить читателя лексическим богатством или местным колоритом. Видно, что для самого писателя они давно стали привычными, устоявшимися, они стали естественной частью его речи. К тому же, для несведущих в конце книги есть словарь.

Хочется всё, что запомнилось в повестях и рассказах, что легло на сердце и заставляет не только думать, но и действовать, подтвердить отрывками, цитатами. Но тогда придётся повторить в цитатах почти всю книгу. А ещё могла бы получиться отдельная книга из, казалось бы, простых, но очень народных, мудрых философских наблюдений и изречений писателя, которыми буквально пересыпано каждое произведение. Вот некоторые из них:

«... настоящая любовь светит во все стороны, и нельзя любить одним лучиком...»

«... чем богатой душе прирасти в радость, то у бедной последнее отберёт».

«Ложь начинается, когда нельзя говорить о том, что волнует...»

«Как желудочный сок, вырабатывается в одних радость, а в других извечная желчь и отчуждение».

«Лишь переполненное сердце способно к покою и бескорыстному восхищению...»

«Слова как птицы, есть перелётные, а есть свои, зимующие...»

В самоцветной, густой, пронзительной, не «перелётной», а «зимующей» прозе Михаила Тарковского много неба. Оно притягивает взгляд писателя и в минуты восхищения, и в минуты горестных раздумий. Тайгу рубят, рушат, калечат. Небо нельзя предать, убить, можно только погибающей душе убежать от него туда, где даже ночью не видно звёзд. Нас не будет, а оно будет. Для неба находятся более

яркие, разнообразные краски, чем даже для самой тайги, по-зимнему скромной. Эти цвета, эти краски не выцветают летом и не исчезают в зимнюю стужу, и так спасительны, когда, как в молитве, мы поднимаем глаза к небу, к Богу.

В повести «Енисей, отпусти» есть такая сценка:

Асон рассказывал, как гостил у брата в Боливии.

— Ну и чем там ваши занимаются? — спросил Прокопич.

— Ну в общем, этой — агрокультурой.

— А живут лучше, чем здесь?

— Конечно, лучше! — возмутился Асон. — Там пекарей ценят. Это только у нас простой труд не нужен никому.

— А что ж возвращаются-то? — спросил Прокопич.

— А здесь Бога больше, — ответил Асон.

Вот оно! Вот так просто, а лучше не скажешь.

Глубинное чувство и крепко укоренённая мысль — исток всего человеческого. Книга «Три урока» — проводник в эту глубину. На её страницах просверкивает вечность, добытая писательским трудом со дна русско-сибирского слова. В огромной, мощной, чистой сибирской тайге, которая стала для Михаила Тарковского жизнью, судьбой, небо, наверно, и выше, но Бога там больше, и Он ближе. «Небо поможет» — это фраза из новой книги писателя, в которой он говорит о самом важном и нужном. Да поможет ему Небо!